

УДК 391

Д.Г. Коровушкин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: peka@archaeology.nsc.ru*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (конец XIX – первая половина XX века)

Настоящая статья посвящена этнокультурной адаптации представителей этнолокальных групп (сельских диаспор) Западной Сибири – латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев, – сформировавшихся на данной территории в результате массовых переселений конца XIX – начала XX в. Объединяет эти группы, имеющие различные языки, конфессиональную принадлежность и материальную культуру, одно – особенности дисперсного проживания в иноэтничной и иноязыковой среде численно преобладающего русского населения (табл. 1).

Изучение особенностей этнического развития и этнокультурной адаптации дисперсно расселенных национальных групп, проживающих в отрыве от основной массы этноса (вне его территории), является одним из актуальнейших направлений исследований российской этнографической и исторической науки [Арутюнов, 2000а, б; Дробизева, 1989; Дятлов, 1999; Семенов, 2000; Тишков, 1989, 2000а, б; Шнирельман, 1999]. Интерес к таким группам в последние годы возрос в связи с интенсификацией современных этнических процессов, что может служить индикатором тенденций и направлений развития этносов, к которым они принадлежат. Перед исследователями встает задача изучения специфики этнического развития национальных групп, оказавшихся в иноэтничном окружении, а также выявления факторов, определяющих эту специфику и влияющих на адаптацию (хозяйственную, культурную, языковую) к новым внешним условиям и обстоятельствам. Для обозначения подобных групп в этнографической литературе наряду с употребляющимися терминами “национальная группа”, “малая этническая группа” закрепилось понятие “этнодисперсная группа” [Сусоколов, 1987, с. 19].

В конце XIX – первой четверти XX в. в истории Российского государства в целом и Сибири в особенности осуществлялись широкомасштабные миграции населения и освоение новых, ранее не обрабатываемых земель Северной Азии. В дальнейшем основная часть переселений носила насильственно-вынужденный характер и была связана либо с прямыми депортациями целых народов (или их частей), социальных слоев и групп, либо с нуждами и тяготами второй мировой войны.

При написании статьи автор опирался на широкий круг полевых этнографических и этносоциологических материалов, собранных им и его коллегами в 1980 – 1990-х гг., на архивные и статистические источники, коллекции ряда областных и университетских музеев, а также на труды предшественников и современников.

В ходе полевых экспедиций под руководством профессора Н.А. Томилова при участии студентов и сотрудников Омского государственного университета было обследовано латышское, немецкое, украинское, чувашское и эстонское сельское население Кемеровской, Новосибирской, Омской и Тюменской областей, а также Алтайского края. Собран обширный материал по этнической истории, традиционной и современной культуре этнодисперсных групп в Сибири. В те же годы было проведено массовое анкетирование представителей изучаемых диаспор методами стандартизированного интервью. Большой относительный объем и допустимые коэффициенты отклонений (в пределах 5%) определили репрезентативность выборки.

Масштабные миграции населения из европейской части Российской империи на Восток, в Азиатскую

Таблица 1. Динамика численности этнолокальных групп на территории Западной Сибири (по данным переписей населения 1897 и 1989 гг.)

Год	Русские	Латыши и эстонцы	Немцы	Украинцы	Чуваши
1897	3 102 506 ¹ (76,7%)*	9 326 ² (0,2%)	7 341 ³ (0,2%)	188 172 ¹ (4,6%)	3 447 ⁴ (0,1%)
1989	12 749 100 ¹ (84,9%)	19 205 ² (0,1%)	416 600 ¹ (2,8%)	583 800 ¹ (3,9%)	43 781 ⁴ (0,3%)

* В скобках указан процент от всего наличного населения данной территории в 1897 г. (4 043 330 чел. [Население..., 1997, с. 150]) и 1989 г. (15 016 607 чел. [Там же, с. 157]).

¹ [Там же, с. 150, 157].

² [Лоткин, 1996, с. 5, 163].

³ [Смирнова, 2002, с. 23 – 24].

⁴ [Коровушкин, 1997, с. 20].

Россию, были вызваны целым рядом объективных социально-экономических предпосылок и политическими (в т.ч. геостратегическими) причинами.

Бурное экономическое развитие европейских губерний России в конце XIX в. сопровождалось резким возрастанием численности населения. Удельное демографическое давление в этой части огромной страны стало слишком высоким, что провоцировало социальную нестабильность. Правительством России в этой связи был принят ряд законов и решений, сформировавших стратегию движения огромных масс населения (в основном сельского) на восточные “окраины” страны. Необходимо отметить, что решающую роль в этом процессе сыграло строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.

В результате к 1914 г. – началу первой мировой войны – в Западной Сибири сформировался значительный массив переселенцев, принадлежавших к различным народам и этническим группам. Основу его составляли русские с вкраплением нередко значительных групп представителей других национальностей – белорусов, латышей, литовцев, мордвовцев, немцев, поляков, украинцев, чувашей и эстонцев.

Миграционные потоки (см. рисунок) представителей различных народов имели свои особенности. Так, если латыши, эстонцы и чувашаи переселялись из всех районов проживания материнского этноса, то украинцы – в основном из Левобережной Украины (Полтавская, Харьковская и Черниговская губернии). Немцы же, выходцы из Поволжья и южных губерний России, были потомками колонистов времен царствования императрицы Екатерины II (1729 – 1796 гг.).

Изменения в материальной и духовной культуре этноса или его групп являются неотъемлемой составляющей этнических процессов. Значение материальной культуры для этноса как самовоспроизводящейся системы обусловлено той ролью, которую она играет в обеспечении его жизненных (витальных) потребностей. Не менее важно и то, что наиболее значимые элементы материальной культуры (жилище или пища) от-

носительно более устойчивы к внешним воздействиям и изменениям социально-экономических условий, нежели другие (одежда, средства передвижения).

Для данного исследования изменения в материальной культуре этнодисперсных групп Западной Сибири представляют особый интерес. С модернизацией культурно-бытовых структур многие элементы материальной культуры исчезают, другие же приобретают функцию этнических определителей. Это особенно присуще развитию этноса или его части в многонациональной среде [Материальная культура..., 1989, с. 13].

В настоящей статье понятие “материальная культура” употребляется в наиболее узком, но традиционно чаще всего используемом смысле – материальные формы культуры, направленные на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, т.е. на жизнеобеспечение. Они включают хозяйство, жилище, пищу и одежду, а также орудия труда, предметы домашнего обихода и средства передвижения. Как и любая другая подсистема, материальная культура представляет механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды его существования.

Основу хозяйства обследованных этнических групп традиционно составляло земледелие. Оно же легло в основу хозяйства переселенцев в Западной Сибири. Однако, несмотря на первоначальный перенос в Сибирь традиционно применявшихся приемов и способов возделывания сельскохозяйственных культур, сразу же наметились и различия, обусловленные приспособлением к конкретным природно-климатическим условиям западно-сибирской лесостепи. Так, в лесных районах в связи с необходимостью расчистки площадей под посевы переселенцы вспомнили на время элементы давно исчезнувшей подсечно-огневой системы. Она одновременно обеспечивала их строевым лесом, дровами и материалом для сооружения покотин и огородов.

Другой особенностью хозяйства стал отличный по составу и, главное, структуре набор возделывавшихся сельскохозяйственных культур. Так, у украинцев и чу-

Карта-схема районов выхода переселенцев в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в.
1 – латыши и эстонцы; 2 – немцы; 3 – украинцы; 4 – чувашы.

вашей в Сибири основной зерновой культурой являлась не рожь, а пшеница. Кроме пшеницы и ржи, которые играли главную роль в жизни переселенцев-сибиряков, выращивали ячмень, овес, гречиху и горох. Ячмень, весьма неприхотливый в возделывании, шел на производство крупы и пива. Просо, распространенное у крестьян европейской части империи, в Сибири практически не производилось. Гречиха и горох, весьма значимые продукты традиционной кулинарии, в Сибири возделывались масштабно. Они со временем стали занимать все более обширную нишу в товарном производстве. Овес традиционно шел на корм скоту.

Достаточно большое значение в хозяйстве переселенцев придавалось техническим культурам (лен и конопля), дававшим масло (техническое и пищевое) и волокно. Перенесенные в Сибирь приемы и способы их возделывания послужили основой для местного льноводства, не слишком успешного ранее.

Важнейшим продуктом питания в начале XX в. становится картофель. Хотя его производство в Сибири в этот период и не приобрело промышленного значения, роль картофеля в обеспечении жизнедеятельности переселенцев переоценить невозможно. Весьма значимым было и его использование в свиноводстве. То же в полной мере относится и к свекле. Но в отличие, к примеру, от Украины с ее сахарной промышленностью основу этой культуры в Сибири составляли пищевые и кормовые сорта.

Второй, не менее важной составляющей хозяйства сибирских немцев, прибалтов, украинцев и чувашей было животноводство, органически связанное с земледелием. Необходимо отметить, что в Сибири украинские переселенцы и немцы из Поволжья не применяли отгонное скотоводство как таковое – разведе-

ние скота сразу ставилось в рамки интенсивного производства. Для латышей, чувашей и эстонцев скотоводство не было характерно в принципе.

Практически в каждом переселенческом хозяйстве держали лошадей (основная транспортная и тяговая сила), крупный рогатый скот, свиней и домашнюю птицу – основные источники мясных и молочных продуктов. При этом местной особенностью стало практически полное исключение крупного рогатого скота (волов) из процесса возделывания земель. Занимались переселенцы и овцеводством, хотя масштабы его не были значительны.

Рыболовство и охота в местах размещения описываемых этнодисперсных групп так и не развились до уровня хозяйственно значимых занятий, оставаясь уделом отдельных зажиточных или особо увлеченных людей. Это объясняется высокой степенью загруженности переселенцев хозяйственными заботами.

Определенное развитие среди переселенцев на новых землях получило пчеловодство. Огромные пространства, занятые цветущими злаками, уже одним своим видом побуждали к занятию этим видом хозяйственной деятельности, имевшим вспомогательное значение.

Ремесла и промыслы, перенесенные в Сибирь, изначально были несколько редуцированы и имели небольшие масштабы, что обуславливалось наличием в регионах водворения переселенцев отлаженной сети запасных и торговых магазинов. Таким образом, значительная часть ремесленного производства была направлена на удовлетворение собственных или общинных нужд. Из наиболее распространенных среди переселенцев ремесел можно назвать прядение и тка-

чество, которыми занимались повсеместно, буквально в каждой семье или хозяйстве. Сюда же можно отнести обработку дерева, гончарство, кожевенное производство (выделка шкур и кож, пошив из них одежды и обуви) и кузнечное ремесло. Повсеместное распространение имел извозный промысел. Необходимо заметить, что общим явлением в сфере ремесленного производства было упрощение приемов и способов производства.

Значительные и весьма быстрые изменения претерпели планировка поселений и жилища. Новые деревни и села имели, как правило, относительно регулярную застройку (в описываемый период они регламентировались землеустроителями, старавшимися не допускать нарушений со стороны переселенцев). Типы усадеб и жилищ меньше зависели от национальных традиций, хотя некоторые особенности сохранились.

Конструкция печи – основного источника тепла в доме – уже в первые годы проживания в Сибири была практически повсеместно заимствована у русских сибиряков. Печь имела значительные размеры, непременно снабжалась лежанками и трубами – “воздухами”.

Следующим элементом культуры, достоверно маркирующим процессы адаптации в дисперсных группах, является одежда. Традиционные костюмы, бытовавшие во второй половине XIX в. в местах выхода переселенцев, были перенесены и на сибирскую землю. Однако здесь они быстро (в течение 10 – 15 лет) подверглись значительным изменениям. В одежде появились элементы и детали, либо заимствованные у местного русского населения, либо явившиеся продуктом общероссийской унификации. Переселенцы разной национальной принадлежности одинаково часто носили, например, меховые шубы, тулупы, шапки-треухи, валяную обувь и теплые рукавицы.

Мужской, а затем и женский костюм в его традиционном виде и составе постепенно вышел из обихода, обретя черты праздничной и обрядовой одежды. Особой, наиболее устойчивой частью костюма были традиционные украшения (особенно у украинцев и чувашей, имевших развитые многоэлементные комплексы из наголовных, нагрудных и наспинных частей).

Наименее всего подвергся изменениям такой компонент традиционной культуры переселенцев, как пища. Основа пищевого рациона, набор блюд и пищевые предпочтения во всех рассматриваемых группах оставались практически неизменными вплоть до конца 1970-х гг. Наиболее значительные изменения были связаны с введением в рацион картофеля, преобладанием пшеницы над рожью и увеличением потребления мяса (вторая половина XX в.).

В целом, говоря о факторах этнокультурной адаптации в сфере хозяйства и материальной культуры эт-

нолокальных групп Западной Сибири, особенностью которых стало дисперсное расселение, необходимо выделить следующие: природно-климатическую обусловленность; вхождение в общую хозяйственно-экономическую систему в местах водворения; легкость заимствования рациональных элементов, не несущих этномаркирующих функций.

Еще одной сферой, наиболее ярко, выпукло показывающей тенденции адаптации, является язык. Этноязыковые процессы – одна из важнейших составляющих этнических процессов в целом.

В свете задач данного исследования наиболее значимы два аспекта:

1) *функциональный*, который понимается как развитие социальных функций языка, соотносимых с различными сферами человеческого общения;

2) *поведенческий*, включающий языковую компетенцию (знание языка), речевую деятельность (употребление языка) и психологическую предрасположенность (отношение к языку) [Губогло, 1984, с. 17].

Одними из главных факторов в бытовании языка являются широта и полнота его применения, а также действующий механизм межпоколенной трансляции и внутриэтнической коммуникации.

К огромному сожалению, при водворении переселенцев на новое местожительство, как правило, не учитывались особенности их национальной, языковой и территориальной принадлежности, о чем свидетельствуют многочисленные заявления переселенцев с просьбой о поселении их в национальных населенных пунктах, поступавшие в Сибирское краевое земельное управление. Кроме того, к середине 1930-х гг. были фактически ликвидированы система национальных школ и преподавание родного языка (лишь немецкий язык остался в школьных программах, да и то в качестве иностранного). Все это вынуждало нерусское население Сибири использовать русский язык не только в межэтническом общении, но и как средство внутриэтнической коммуникации. Соответственно, уменьшалось количество людей, признававших национальный язык родным. На развитие этой ситуации в огромной мере повлияли потери населения в период второй мировой войны. Многие мужчины – носители этнической информации и языка – не вернулись домой, а женщины и старики либо гибли в результате голода и напряженной работы, либо не имели возможности полноценно учить языку младшее поколение. В этот период также были разорваны и утрачены многие родственные и культурные связи с материнскими метрополиями и частями национальных диаспор в других районах страны.

В конце 1950-х – середине 1970-х гг. на развитие этноязыковой ситуации у латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев Западной Сибири стали оказывать влияние и другие, ранее не существовавшие (или не-

Таблица 2. Этноязыковая ситуация в этнолокальных группах на территории Западной Сибири в 1980-х гг., %*

Национальность	Национальный язык считают родным	Степень владения национальным языком		Степень владения русским языком	
		Свободно	Не владеют совсем	Свободно	Не владеют совсем
Латыши	50,2	29,4	3,4	91,6	0
Немцы	84,6	43,9	3,4	90,8	0,9
Украинцы	52,4	17,7	3,3	95,5	0
Чуваши	80,2	33,8	3,7	82,2	0,7
Эстонцы	61,6	46,3	3,4	90,1	0

* По данным этносоциологических опросов, проводимых сотрудниками Омского государственного университета.

существенные) факторы – сплошная электри- и радиодификация сел, появление телевидения, внутриобластные миграции (из сел в райцентры, города и т.д.). Необходимо заметить, что все без исключения радио- и телепередачи местных и общесоюзных станций велись в этот период на русском языке. Сложившееся в 1950-х – 1970-х гг. положение, при котором уровень знания национального языка потомками нерусскоязычных переселенцев был явно недостаточен для продолжения образования в учебных заведениях Украины, Чувашии и тем более Прибалтики (а улучшить его на местах было негде), принуждало молодежь больше использовать русский язык во всех сферах жизнедеятельности.

Результаты этносоциологического обследования в конце 1980-х гг. дали следующую картину этноязыковой ситуации в рассматриваемых группах: национальный язык считает родным все меньшее число опрошенных, причем свободно владеют им (говорят, читают и пишут) лишь 30 – 40% респондентов, а русским – подавляющее большинство представителей переселенческих диаспор (табл. 2).

В отечественной этносоциологии принято считать, что развитие двуязычия может иметь две тенденции – экстенсивную и интенсивную. В первом случае двуязычие распространяется “вширь”, т.е. вторым языком (в данном контексте русским) овладевает все больше представителей нерусского этноса; во втором – оно “углубляется” посредством лучшего овладения вторым языком с использованием его во внутритническом общении [Губогло, 1970, с. 5]. Основываясь на приведенных выше данных, можно утверждать, что национально-русское двуязычие у потомков переселенцев Западной Сибири реализует в своем развитии обе эти тенденции. Налицо распространение его “вширь”, очень высокий для второго языка уровень языковой компетенции (подавляющее число респондентов свободно владеют русским) и широкое его использование во внутритническом общении.

Учитывая динамику изменения языковой ситуации в исследуемых группах Западной Сибири в прошлом и обозначенные выше тенденции ее развития в насто-

ящем, можно уверенно предсказать дальнейшее расширение и углубление национально-русского двуязычия и процесса интеграции в культуру потенциала, накопленного русским языком. Процесс этот в его нынешнем виде имеет и определенный негативный аспект: утеря национальным языком хотя бы части позиций, занимаемых им в системе речевой деятельности и языковых ориентаций его носителей, приведет к вынужденной замене отдельных элементов и целых слоев языковой культуры на русскоязычный эквивалент. Можно предположить, что данный процесс обернется определенными потерями не только этнически, но и социально значимых культурных ценностей и ориентаций при возможном переходе от одной системы этнокультурных и языковых традиций к другой.

Выводы

1. В Западно-Сибирском регионе сложились и устойчиво существуют этнолокальные группы со своими уровнями экзогамности и степенями адаптированности к природно-климатическим условиям и иноэтничному/иноязыковому окружению.

2. В результате адаптационных изменений достигнут высокий уровень интегрированности национальной культуры латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев Западной Сибири с вненациональной, что характеризуется значительной унифицированностью в сфере материальной культуры.

3. Уровень сохранения национально-специфических черт в культуре рассмотренных групп к настоящему времени весьма невелик, что обусловлено рядом причин:

- исторически сложившейся высокой степенью языковой ассимиляции переселенцев русскими;
- многочисленными культурными заимствованиями у окружающего русского населения;
- глубокими изменениями традиционного хозяйственно-бытового уклада под воздействием новых политико-экономических условий существования сельского населения как результата исторического развития страны;

– фактическим разрушением механизма трансмиссии этнической культуры и межпоколенных связей вследствие социально-экономических потрясений в жизни общества;

– снижением уровня культурно-национальных ориентаций (особенно в небольших дисперсных группах – у чувашей и прибалтов), что имеет в своей основе культурно-языковую оторванность от основной массы этноса и высокий индекс дисперсии;

– большим числом межнациональных браков (как правило, с представителями русской национальности).

4. К середине 1930-х гг. в обследованных группах сложилась устойчивая локальная специфика, характеризующаяся смешением дифференцированных внутригрупповых черт культуры и наложением на них заимствованных у русских культурных явлений.

5. Для представителей рассмотренных групп характерно национально-русское двуязычие. Сфера его действия всеобъемлющая. При этом родные языки этих этнолокальных групп претерпевают морфологические и семантические изменения.

6. Основной тенденцией в развитии этнокультурных процессов является нивелировка этнически значимых черт в материальной и духовной культуре, а также замещение утраченных либо утративших реальное значение элементов национальной культуры на русские или вненациональные (чаще на основе русских) эквиваленты.

Основываясь на приведенных выше доводах, можно сделать вывод о прямой зависимости уровня этнокультурной адаптации от степени дисперсности расселения этнолокальных групп в преобладающей культурно-языковой среде.

Список литературы

- Арутюнов С.А.** Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. – 2000а. – № 2. – С. 74 – 78.
- Арутюнов С.А.** [Рецензия] // Этнографическое обозрение. – 2000б. – № 2. – С. 146 – 151. – Рец. на кн.: В движении добровольном и вынужденном: Постсоветские миграции в Евразии. – М., 1999. – 319 с.
- Губогло М.Н.** Этносоциальные аспекты языковых контактов: Докл. на VII Междунар. социол. конгр. – М.: Наука, 1970. – 6 с.
- Губогло М.Н.** Современные этноязыковые процессы в СССР: (Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия). – М.: Наука, 1984. – 288 с.
- Дробужева Л.М.** О проблемах межнациональных отношений и задачах этносоциологии в современных условиях // СЭ. – 1989. – № 1. – С. 41 – 47.
- Дятлов В.И.** Диаспора: (Попытка определиться в понятиях) // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 8 – 23.
- Коровушкин Д.Г.** Чуваша Западной Сибири: (Этнодисперсная группа на современном этапе). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – 96 с.
- Лоткин И.В.** Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. – 256 с.
- Материальная культура:** Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. – Вып. 3. – 224 с.
- Население Западной Сибири в XX веке.** – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 172 с.
- Семенов Ю.И.** Этнос. Нация. Диаспора // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 64 – 74.
- Смирнова Т.Б.** Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск: Информ. центр “РУСИНКО”, 2002. – 210 с.
- Сусоколов А.А.** Межнациональные браки в СССР. – М.: Мысль, 1987. – 144 с.
- Тишков В.А.** О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // СЭ. – 1989. – № 5. – С. 3 – 14.
- Тишков В.А.** Антропология российских трансформаций // Этнографическое обозрение. – 2000а. – № 1. – С. 3 – 19.
- Тишков В.А.** Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – 2000б. – № 2. – С. 43 – 63.
- Шнирельман В.А.** Мифы диаспоры // Диаспоры. – 1999. – № 2/3. – С. 6 – 33.

Материал поступил в редколлегию 5.12.03 г.